Моск. комсомолец. – 2001. – 13 янв. – с. 2.

КРАСАВЕЦ МУЖЧИНА С ДУШОЙ КВАЗИМОДО



Вечерний спектакль в Москве – утром съемки в Питере – следующий день – уже в Ялте – оттуда перелетом в Краков, и подряд пятнадцать спектаклей – а после этого съемки на Северных Озерах – утром репетиция – вечером спектакль в Москве – и так далее, и так далее... Его жизнь похожа на аттракцион "Гонки на мотоцикле по отвесной стене". Тот самый, в котором, если мотоциклист, затянутый в блестящий кожаный костюм с молниями, вдруг остановится, он рухнет. В детстве, глядя на эту сумасшедшую езду, Александр Домогаров вряд ли предполагал, что добровольно выберет для себя такую роль. И он, как наркоман, не сможет от нее отказаться. Во всяком случае, рассчитывать на спокойную встречу с ним в комфортной обстановке – абсолютно пустая затея. Идеальный вариант – успеть вскочить на заднее сиденье мотоцикла этого безумного ездока, ухватиться за шею и, проклиная его и себя, мчаться, мчаться в надежде понять – куда, зачем и почему...

Санкт-Петербург. Ночь после съемок сериала "Империя под ударом". Вид измотанный. Синяки под глазами.

— Саш, а ты не офигел от такого графика?

— Офигел. И я уже сбиваюсь и путаюсь. Поэтому агенту своему говорю: "Следи, чтобы я чего не забыл".

— А почему в Питере ты останавливаешься в маленькой частной гостинице, а не в "Октябрьской", где обычно живут московские артисты? Или в престижной "Европейской"?

— Мне здесь нравится. Она такая маленькая, тихая. И смотри, в каком прекрасном месте — парк, Черная речка. Вот, видишь яблоню из окна, она вся усыпана яблоками — они твои. А чуть дальше — слива. Опять же номера хорошие. А "Октябрьская"... Это проходной двор. И потом, там спать не дадут — замучают предложениями интима.

— Тебе часто говорят, что ты красивый мужик?

— Говорят. Только вопрос, как к этому относиться? Красивой может быть женщина, а мужик должен быть — либо обаятельным, либо умным. Я к этому отношусь, честно тебе скажу, очень предвзято.

"Ой, вы красивый мужчина!" — говорит женщина, и что я? Я пошел домой, с этой мыслью закрылся, достал из холодильника банку пива, сижу красивым мужчиной? Это не предмет для разговора. "Вот Делон — красивый мужик" — это я себе говорю. Причем я вижу красивого мужика не тогда, когда он в "Рокко и его братья", а сейчас, когда складки, седина, под глазами синяки. Для меня Де Ниро красивый, хотя он далеко не красавец. Или Аль Пачино... Какой он красавец? Метр шестьдесят с кепкой, еврейская внешность, но для меня он красивый. Я хотел бы таким быть.

— А тебе это мешает или помогает?

— Было время, когда дико мешало.

— Наоборот, роли героев предлагают. Героев ведь нет!

— Мне роли предлагали. В Театре Армии я играл все главные роли — Арман Дюваль, Звездича. Что, внешность здесь не играла никакой роли? Играла. Но с большим бы удовольствием я сыграл в "Маскараде" Неизвестного.

— А Квазимодо?

— Мечтаю. Клянусь тебе.

— Но из тебя вряд ли сделаешь урода.

— Это еще надо посмотреть. Если это шутка, то она не проходит. А если это серьезный разговор, то Квазимодо — мечта. Ричард III — мечта: хромой, горбатый урод. Вот чего хочется. Сирано с носом. Я понимаю, что никто не будет ставить Сирано с Домогаровым, но хотя бы как эксперимент я бы это сделал. Дело не в но-се, а дело в том, что я в себе чувствую по отношению к мужикам, ко-то-рые в чем-то обделены, а в чем-то настолько сильны, что у меня до трясучки доходит. Сирано, ты пойми, — она пьеса о любви. Не "Ромео и Джульетта", а "Сирано" — когда человек не может дотронуться пальцем до предмета, который он обожает, и всю жизнь он несет это в себе. Это не любовь, а нечто большее, высокое. Оно мое. А ты говоришь — красивый. Ну, красивый, ну и что?

Краков. Ночь. Тайм-аут между пятнадцатым по счету польским спектаклем "Макбет" и первым русским "Нижинским".

— Как ты, артист с ярко выраженной мужской харизмой, играешь Нижинского — балетного гения, бисексуала?

— Так и играю.

— Но откуда тебе это известно?

— Не знаю, не знаю. Я специально уходил от гомосексуальной темы, она самоигральна, сама по себе ясна. Да, можно все скопировать, и походка будет другая, и манера общения тоже, и говорить другим голосом. Хотя я встречал мужчин, которые говорят очень низким голосом и ходят твердой походкой, но при этом являются гомосексуалистами.

— К вопросу о Нижинском. Как ты играл душевнобольного человека? В лечебницу ходил?

— Я представил себе — за-заикающийся человек *(заикается)*, угловатый, спотыкающийся в жизни, он грыз ноготь большого пальца правой руки, а выходил на сцену и становился Богом. Я не знаю, что это такое, и я никогда не был в психиатрической больнице. Я не знал, как это будет происходить, и только просил режиссера Житинкина: "Не трогай меня до прогонов, я прошу тебя, я буду ходить и тупо читать текст". — "Что происходит? — спрашивал он, нервничая, — что мы играем, когда у нас главного героя нет?" Я действительно знал текст, я специально закрывался бумажечками, чтобы не пустить себя раньше того момента, когда можно отдаться роли.

— Что ты делаешь в сцене, когда психиатр добивается от тебя конкретного числа, и ты буквально заливаешься слезами? Ты нюхаешь что-то, чтобы плакать?

— В кино я нюхаю, да. А здесь — сама ситуация какая-то такая но... Не знаю... Я знаю только, что могу закатывать зрителям любую паузу.

"Сколько вам лет? Какой сегодня день недели?" — спрашивает меня доктор. Три минуты я буду молчать. И они будут смотреть. Я не знаю, что происходит, но я настолько в этом уверен. Иногда я даже думаю: "Харэ. Можно уже говорить".

— А вот Караченцов Николай Петрович, артист тоже с мужественным имиджем, так вот он, например, принципиально отказывается от ролей, даже намекающих на нетрадиционную ориентацию.

— У Караченцова к этому свое отношение... Я же не пойду никому на улице доказывать, что я нормальный. Кто об этом знает, тот знает. Кто не хочет знать — не будет. Вот сколько я получил в Театре Советской Армии: что я и педераст, и с режиссерами такими работаю. А мне плевать, что будут обо мне говорить. Мне главное, если мне на площадке это удается, то флаг мне в руки. Если не удастся, я сам себе скажу: "Санечек, а ты артист-то того..." *(Свистит.)*

Знаешь, почему я хочу сыграть Дориана Грея? Ради одной сцены. Ради одной. Знаешь, какой? Когда к нему приходит художник, и Грей его спрашивает: "Вы действительно хотите посмотреть тот портрет? Нет, правда? Вы хотите его видеть?"

Можно ли понять больного на всю голову человека? Диагноз на лице — глаза нездорово горят, и он, как в горячке, повторяет: "Вы действительно хотите видеть этот портрет? Нет, правда? Вы хотите его видеть?" На лице игра страстей — от удивления до дьявольского искушения, за которым всплывает панический страх, переходящий в сатанинский смех.

На меня в упор смотрят красивые миндалевидные глаза с бычьим упрямством на дне.

Варшава. Переговоры с великим польским режиссером Анджеем Вайдой о съемках в новом фильме. Курит много. Мрачноватый.

— Тебе знакомо чувство, когда "крышу сносит"?

— Был момент. На премьере "Огнем и мечом" в Варшаве. Выглядит это так — ты не можешь спокойно пройти по улице. Не можешь сесть в такси. Потому что будут тыкать пальцем, хватать, бежать, визжать. И сносит башку, начинаешь думать, что ты о-го какой. Приезжаешь в Москву, и в Москве может повториться то же самое. Как к этому относиться? Ведь век артиста очень короток.

— Ага, сначала пятьдесят лет на сцене, потом семьдесят...

— Короток, запомни. Настолько короток, что на моей памяти был артист в Театре Армии, который в свое время блистал, его уносили на руках со сцены. Потом человек стал крупным, большим, но старым, и ему сказали: "На пенсию". А он сказал: "Вы понимаете, что, если я уйду на пенсию, я умру. Мне бы просто приходить". И он умер...

У меня есть определенный опыт — я не боюсь камер, я не боюсь сцены. Я не боюсь на нее выходить. Но я... *(смеется)* боюсь на нее выходить. Потому что не знаю, как они меня воспримут. Мы играли "Макбета", и на двух спектаклях я услышал, как подростки смеялись. И у меня мысль: либо я плохо играю по-польски, либо я как актер что-то не то делаю. Поляки к этому относятся спокойно. Они говорят: "Ну, дзети"... Но я-то говорю на чужом языке... Может, я не так ударение делаю? А потом они ждали меня на служебном входе, и я сказал им: "Дзинкуе за ваш смех". Для них это тоже был некий шок, и, может быть, я не имел права так себя вести по отношению к ним, но... актерское самолюбие, оно было... Хотя пришли они на служебный с чистым сердцем: для них я Домогаров, а не Макбет.

— Кстати, о детях. Это правда, что твой отец возглавлял компанию аттракционов в советское время?

— Да.

— Ты в детстве не перекатался?

— Перекатался. Я был маленький избалованный мальчик. 70-й год, первый класс. И тогда первый раз в истории Советского Союза все ведущие фирмы мира, какие только существуют, привезли аттракционы в парк Горького, в "Сокольники", в "Измайлово".

— И ты?

— А я — сын управляющего всей этой байдой, значит. Ко мне приставляли охрану из двух человек, которым я говорил: "Идем сюда, теперь сюда, сюда..." Мне было семь лет. Отцу какая-то фирма подарила мотоцикл — маленький итальянский мотоцикл — все то же самое, что и в большом, но для детей. И я ездил мимо школы, дома. Вот тогда-то "крышу" царапало жутко.

— А сейчас на аттракционах можешь кататься или тебя тошнит?

— Могу издалека посмотреть. У меня плохой вестибулярный аппарат.

— Ты — из избалованных отпрысков. Хотя, если честно, не очень похоже...

— Я был и капризный, и мерзкий. Пойми, я был последний, потому что брат на 10 лет меня старше, и мне было позволено все, что ему никогда в жизни не разрешалось. Верх моей наглости проявился в Тбилиси, куда мы поехали к родственникам. Мне было лет пять, а троюродному брату купили мороженое, а мне нет, потому что горло болело. Помню, что Гарика из-за меня заставили выбросить мороженое, и мать со мной долго не разговаривала из-за этого.

— Вот не знала, что у тебя грузинская кровь.

— У меня нет грузинской крови, просто дед потом женился на грузинке. Но у нас очень тесные были взаимоотношения.

— В связи с таким воспитанием ты считал себя выше других, считал, как большинство представителей золотой молодежи, что имеешь право?

— Честь и хвала моему отцу, который бы мне оторвал башку, если бы я так думал. В школе я не был отличником, скорее хорошистом — 3, 4, 3, 4, 2, 3, 3. Когда больше "четверок" — значит, хорошист.

Последнее место папиной работы — Театр Сац. К тому времени он уже болел. Последнее, что сделал, — это символ — "Синюю птицу" — затащил на крышу театра. Я был на открытии. К тому времени уже курил. Первая пачка — "Данхилл". И гениальный случай, когда ко мне официант подошел: "Дай сигареточку". Я так пижонски пачку открыл *(показывает)*, а он: "Я у тебя три возьму, чтоб не светил". То есть поставил на место в одночасье. Вот такие вот уроки. И я понял, что "Данхилл" можно и убрать.

Москва. После спектакля "Милый друг". Тусовка по поводу присвоения ему звания заслуженного артиста. Немного растерян, как будто бы грустный даже.

— Получается, что тебе достаточно часто по жизни вправляли мозги.

— Ну как? Это же можно и забыть, но... Это как укол иголки, который сразу, если ты не глупый человек, тебя больно колет...

— Ну да, такое не забывается, как первая любовь. Кстати, к вопросу о первой любви.

— О чем ты?

— О первой любви.

— Такое сложное понятие. Я не знаю, что такое любовь. Я знаю, что такое влюбленность...

Любовь — это, наверное, когда проходит много-много времени... Я отца с матерью вспоминаю. Как они ругались из-за того, что мама где-то отдыхала и отец совершенно случайно приехал к ней и с кем-то ее увидел. Он вернулся в Москву, дождался окончания срока ее отдыха, и там... Они же сорок лет вместе жили. Это ревность, граничащая со страстью. Может, это любовь? Проходит много-много времени, и чувство влюбленности переходит в привычку, а потом ты вспоминаешь, что без этого человека ты не можешь жить. Ты чувствуешь его не то что сердцем, а так: вот это — мое. Я без этой половины жить не могу. Может быть, вот это любовь? Я не знаю, что это такое.

Чувство влюбленности — понятно. Когда хочется видеть, бежишь, цветы... Но оно, проходит время, становится меньше, меньше. Потом это опять возникает. К другому человеку. На запах реагируешь. Почему мы в толпе останавливаем глаз? Реагируешь на каком-то подсознательном уровне.

— Сексуальный импульс — начало любви, писал один очень умный человек.

— Это страсть.

— Ты можешь убить в порыве страсти?

— Да. Иногда я ловлю себя на мысли, что это страшно. Но это так. Ревность, граничащая со страстью, — клубок очень опасный.

— В твоей жизни был такой случай?

— Я не могу себя контролировать.

— Под горячую руку лучше не попадаться?

— В этой ситуации — лучше не попадаться. Это было не один раз. Я потом пытался сам себя останавливать, корить за это.

— Ну... Ты бьешь женщину?

— Могу. Ударял. Поэтому и говорю, что могу.

— А ты любишь женщинам дарить подарки?

— Да.

Александр ДОМОГАРОВ: "Я не знаю, что такое любовь"



— Дорогие или со значением?

— Нет, без значения.

— Какой цвет глаз твоей любимой?

— Не знаю.

— Ты прослужил 12 лет в Театре Советской Армии. Какой главный урок тебе преподал армейский театр?

— Один гениальный урок — никогда ни с кем в театре нельзя общаться. Я могу в своем театре (имени Моссовета) общаться с Андрюшкой Ильиным, Ларкой Кузнецовой. Но так, чтобы приходить среди дня, сидеть, обедать, дружить, ходить в гости — нет. А в Театре Армии я себе это позволял. И когда я ушел из театра, большего говна в своей жизни о себе я не слышал. Хотя со мной все общались, я был любимчиком, сидел на этаже, где все народные артисты Советского Союза. Столько дерьма про себя я никогда не слышал.

— Поэтому твоя жизнь — за семью печатями. Это сознательно?

— А почему надо интересоваться моей личной жизнью? Я хочу, чтобы что-то было моим.

— Тогда прошу быстро, не задумываясь, ответить на вопросы. У тебя есть собственность?

— Нет. Кроме машины, ничего нет.

— Дети?

— Есть. Двое.

— Вредные привычки?

— Все.

— Любимый цвет.

— Черный.

— Готовить умеешь?

— Жареную картошку.

— Водку пьешь?

— Пью.

— В баню ходишь?

— Нет. Могу пойти, но за компанию.

— Какими языками владеешь?

— Никакими. Польским на уровне пьесы "Макбет".

— Ответь как рыбак: на что лучше брать окуня?

— На червя.

— А тебя на что?

— А меня — на окуня.

— Какое твое слабое место?

— Это не быстрый ответ.

— На что тебя можно купить?

— На внимание.

— Артисты никогда женщинам не дарят цветы. А ты?

— Редко.

Москва. Между съемками "Марша Турецкого" и "Настоящих мужчин". Энергичен. В хорошем настроении. На подъеме.

— Почему ты чем больше работаешь, тем больше сам хочешь все делать на съемочной площадке? И отказываешься от дубляжа каскадера? Сам стреляешь, дерешься, переворачиваешься в машинах? Ведь ты подписываешь контракт, где такого пункта нет. Это глупость?

— Это азарт.

— Но ты же знаешь, что Урбанский погиб на съемках именно по этой причине.

— На "Марше Турецкого" мы с Кищуком договорились, что я сам перевернусь в машине. Он пообещал неохотно, но подумал, что я об этом забыл. Но я-то не забыл. Смысл трюка в том, что едет машина, в ней идет разговор. Ее обгоняет джип, открывается окно, автомат, очередь, водитель убит, машина вылетает на специально сделанный подъем и падает. Как она упадет — никто не знает. Может упасть как угодно. Но смысл в том, что в одном кадре машина вылетела и в этом же кадре из нее выходит артист.

Кищук меня спросил перед съемкой: "Ты, да? Ты серьезно? Да?". — "Но мы же договорились". — "Ну, поехали". И мы поехали. Мы репетировали, мы считали секунды, как я снимаю перчатки, шлем, расстегиваюсь, а потом вываливаюсь из машины. Насчитали, что это занимает ровно шесть секунд. Мы сказали об этом оператору. Рижская трасса. Пятница, день, все едут на дачу. Нам дают отмашку — поехали. "Господи, дай нам..." Поехали. Дальше — взлет, первый удар страшный, потому что машина как-то ушла в сторону, потом три раза перевернулась и встала на колеса. Первый вопрос:

— Жив?

— Жив.

— Давай.

И у нас шесть секунд. Я начинаю расстегиваться, а молния не отстегивается, хотя на репетициях все получалось. Руки-то дрожат. Дверь не открывается. Подходит каскадер: "Му...к, открой".

— Это самое острое ощущение, которое было в твоей жизни?

— Ну из последних — да. Адреналин выделяется... Мало не покажется.

— Ты, мягко говоря, испугался?

— Нет. Правда. Перед началом вроде все в порядке — нормально куришь, сердце не бьется. Но ощущение — как перед чем-то особенным. У меня пострашнее было, на съемках у Хоффмана в фильме "Огнем и мечом". Машина — она машина, ей сколько вломишь, столько она и пойдет. А вот конь Домар... Он вел себя очень непонятно. Я на нем сидел, но все время просил, чтобы конюх его держал. Вдруг он начал валиться на бок, что совсем не в его характере, и я два раза слезал с него: "Успокойте коня". Конюхам его два раза пришлось гонять, чтобы жеребец успокоился.

— Больше не будешь рисковать?

— Но так хочется...

— В таком случае психологи говорят: ты сублимируешь в работу неиспользованную страсть или энергию. Значит, не хватает острых ощущений по жизни?

— Я не знаю, что говорят психологи. Когда каскадеры это делают, ты смотришь и думаешь, что это так просто. Когда Кищук выходит из машины и спрашивает: "Сколько раз перевернулся — три или четыре?", на его лице ощущение — вот она жизнь, сука.

— И у тебя такое же?

— Я скажу тебе — я не гнался за чем-то. [illegible] когда к тебе вся группа подходит и говорит: "[illegible] жешь!.." — это...

— Интересно, что на съемках "Огнем и мечом" твою лошадь звали Домар. Твоя фамилия — Домогаров. Ты узнавал, что она означает?

— У мамы где-то есть древо: там литовцы и латыши, и русские, и украинцы, и немцы, и евреи...

— Вот радость-то русским патриотам узнать, что Домогаров — еврей.

Краков. Под Рождество. Рождественский базар возле Мариацкого костела. Копченые колбаски на гриле. Горячий глинтвейн в бочках. Настроение — соответствующее.

— Ты веришь в фатальность встреч на земле? В такую их неизбежность, что жизнь переворачивает?

— Сейчас уже верю. Происходит одно событие и переворачивает всю жизнь. Прошлая жизнь была хорошая, но Польша все перевернула. Вообще все. Я не шучу, когда говорю, что с той первой поездки в Варшаву на пробы (1998 год) я не могу остановиться. У меня нет времени останавливаться.

— Переход в категорию европейского актера. Как это отразилось на самочувствии внутреннем и на материальном?

— Самое интересное, что материально... такое ощущение, что я и не работаю. Кроме шуток. У меня нет денег. Нет, мне платят. Но я не умею их собирать. Я не могу сказать, что я транжира, но я не понимаю, куда они деваются.

— И кто тебе поверит. Знаешь, что скажут?

— Знаю. Но это правда. Сколько тебе надо? Три тысячи? На! Семь — на!

— Легко расстаешься с деньгами?

— Ты знаешь, да. Мне потом станет жалко.

— Тебя волнует чужое мнение?

— Да.

— И еще, к вопросу о внешности. Ты похож на бретера и картежника...

— Еще и алкоголика.

— Как у тебя с этим делом? Не с алкоголем.

— Я не картежник, и знаю, что близко нельзя подходить к рулетке. Близко. Бабушка мне сказала: "Никогда, Сашенька, не играй в карты. Не твое это занятие". И два раза на рулетке понял, что нельзя.

— Буквально два последних вопроса. Твой внутренний монолог, когда все хей-хоп?

— Я выпью водки и скажу, что чего-то не хватает.

— Твой внутренний монолог, когда ты измотан, как последняя собака, и хочется закрыть дверь и послать всех?

— Я выпью водки и скажу, что чего-то не хватает.

— Монолог артиста, снимающегося за границей за твердую валюту, сыгравшего в театре в чужой стране на чужом языке?

— То, что выпью водки — это однозначно. Смешанное чувство, когда ты понимаешь, что подошедший к тебе артист говорит: "Спасибо, Санька, сам понимаешь за что". Я слушаю его и думаю: "Домогаров, все-таки что-то в этой жизни ты сделал". Хотя я понимаю, что был толчок — Хоффман дал мне большой пинок под зад. Но ведь можно же и не удержаться.

— Есть вещи, которых ты боишься в жизни?

— Есть. Я боюсь остаться без работы. Я боюсь остаться один. И самое страшное — что так будет.

— Не можливэ, — как говорят здесь, в Польше.

— Можливэ. Поверь. Страх за то, что если чего-то не будет, если почва исчезнет под ногами. Ты пойми, у меня же все началось в 35 лет. Поздно. Я боюсь опоздать. Слишком долго ждал. Я психую и решаю для себя — будет съемка у Вайды или не будет? Когда начнет Хоффман новую картину? В декабре? Значит, я занят. Все время в ожидании — дайте, дайте мне эту "машину".

— А ты не боишься так растратиться?

— Нет. Все отдается, но и все восполняется. Тем, что шофер нашей съемочной группы из Варшавы примчался в Краков на "Нижинского". Этим восполняется. Вот этим, вот этим, вот этим я живу. Появление человека, который в ночи мчался на машине хрен знает куда. Я ощущаю то сердце, которое заставляет мое сердце, как это ни поэтично звучит, биться в два раза быстрее. То правда.

— И она в том, что ты — артист эмоциональный, не интеллектуальный. Интеллектуал вряд ли добровольно полез бы в машину, чтобы трижды перевернуться. Тысячу раз подумал бы.

— А фиг ли думать? *(Смеется. Пьет глинтвейн.)*

Марина РАЙКИНА.
Москва—Санкт-Петербург—Краков—Варшава—Краков—Москва.